

От вымысла к реальной исторической фигуре

Когда соавторы впервые прочитали роман Стокера «Дракула», они усомнились, что сюжет о знаменитом вампире всего лишь дань классическим традициям готического романа ужасов с непременными привидениями и лязгающими кандалами, в лучших традициях, заложенных в конце XVII в. пионерами жанра Анной Радклиф, Хорасом Уолполом и даже Джоном Полидори, создавшим первый литературный образ вампира, лорда Рутвена, который срисован с лорда Байрона. Еще меньше соавторов убедила теория, выдвинутая самым точным биографом Б. Стокера Гарри Ладлэмом (в книге *A Biography of Dracula*, 1962), что образ Дракулы навеян автору ночными кошмарами «по милости неумеренного поедания на ужин крабов под соусом», в каковых Стокеру привиделся «оживший мертвец, восстающий из могилы, чтобы творить свое жуткое дело». Как-никак, кошмарные сны всегда были излюбленным литературным приемом, и к нему прибегали Мэри Шелли, Роберт Льюис Стивенсон и многие другие, когда желали замести следы заимствования из чужих произведений на ту же тему. Отсылка к привидевшемуся во сне персонажу имела целью подчеркнуть творческий гений и самобытность автора. По разнообразным причинам, которые мы приведем ниже, многие наши румынские коллеги поддерживали такое объяснение истоков романа: «Дракула порожден необузданным воображением Стокера, и с реальным историческим прототипом

этого персонажа связывает разве что имя». Читающая публика в целом принимала эти авторитетные оценки.

Даже при беглом взгляде на роман Стокера бросаются в глаза его существенные отличия от других готических романов. В «Дракуле» фигурируют конкретные географические точки как в Восточной Европе, так и в Англии: реальные, например, городок Уитби на северо-восточном побережье, как и упоминаемые Стокером районы Большого Лондона. И все же большинству читателей Трансильвания, где располагался замок графа, представлялась чем-то вроде Руритании*, вымышленной страны, затерянной где-то на задворках Европы.

У Стокера повествование дано в форме дневниковых записей и сначала ведется от лица помощника английского стряпчего Джонатана Харкера, который отправился с запада, из старой доброй Англии, на восток, в таинственные края, представленные Северо-Восточной Трансильванией, чтобы оформить сделку по продаже недвижимости некоему графу Дракуле. В ходе череды мелодраматических событий, развернувшихся в замке графа в ущелье** Борго, Харкеру удается продать графу имение Карфакс поблизости от Лондона, после чего Дракула бросает его в замке на произвол судьбы, а сам торопится в Англию со зловещим намерением наводнить страну вампирами. Харкеру удается выбраться из графского замка, потом он лечится от полученных травм на больничной койке в Бухаресте, куда позже к нему приезжает его невеста Мина (Вильгельмина) Мюррей***, и они женятся. Граф же тем временем отплывает из болгарского порта Варны в Англию, сопровождаемый семью ящиками с землей его родной

* Руритания — распространенное в англоязычном мире нарицательное обозначение типичной центрально-европейской страны-монархии. Происходит из романа Энтони Хоупа «Узник Зенды» (1894), давшего начало жанру руританского романа, в котором описывались аристократические круги вымышленной страны и захватывающие политические интриги (пример — «Принц Отто» Р. Л. Стивенсона).

** В переводах «Дракулы» на русский язык фигурирует не перевал, а ущелье Борго (сильнее понимает!). Далее в тексте везде — перевал Борго.

*** Имена персонажей приводятся по изданию «Дракула» в переводе К. Мариной. СПб.: Издательская группа «Азбука-Классика», 2010.

Трансильвании (в одном из них он скрывается сам). Судно пристает к берегу на севере Англии в приморском городке Уитби, и к тому моменту Дракула успевает перекусать и превратить в вампиров всех членов команды. А вскоре находит себе первую жертву на английской земле — близкую подругу Мины Люси Вестенра. Граф поселяется в Карфаксе, а свои ящики с землей прячет в разных местах по берегам Темзы.

Обустроившись на новом месте, граф приступает к исполнению своего чудовищного замысла. Его набег на Лондон Стокер сравнивает с распространившейся в одночасье убийственной эпидемией чумы, ведь лишь избранным жертвам дано счастье обрести освобождение в вампирском бессмертии. Смертоносные проделки графа иллюстрируются на примере диковинного поведения пациента лечебницы для душевнобольных по соседству с Карфаксом, некоего Ренфилда (тот пожирает мух, пауков и прочую живность). Эти причуды привлекают внимание директора заведения доктора Джона Сьюарда.

В итоге «охотники на вампира Дракулу» объединяются, чтобы побороть нависшую над городом ужасную опасность. Среди них уже известный нам Харкер, психиатр Сьюард, поклонник Люси техасец Квинси Моррис и еще ряд других. Ими предводительствует выдающийся ученый и специалист по редким болезням доктор Абрахам Ван Хелсинг из Амстердама. Последний — настоящий герой, и с ним себя подспудно отождествляет сам Стокер: убеждает сотоварищей, что традиционная медицина бессильна против вампиров и что взамен следует положиться на старинные народные рецепты, использующие силу трав, в частности чеснока, а также религиозного обряда крестного знамения, что усилит их защиту. Прежде всего они должны отыскать те семь припрятанных графом ящиков с его родной трансильванской землей, ибо, согласно преданиям, без них вампир не может в дневное время отдыхать и восстанавливать силу. (Стокер позволяет себе некоторое упущение, когда упоминает, как вампир при свете дня разгуливал по Пикадилли.) Если иные средства не помогут, продолжает Ван Хелсинг, они должны уничтожить этого ожившего

мертвеца старинным испытанным способом (который нам часто показывают в кино) — пригвоздить к земле вбитым в сердце колом. После ряда стычек между преследуемыми и преследователями граф Дракула, чуя, что под ним горит земля, решает укрыться в своем родовом замке в Трансильвании, где в итоге находит свой конец, когда Квинси Моррис на закате дня пронзает его вампирское сердце длинным лезвием финского ножа.

Как уже отмечалось, именно подробно выписанный географический контекст выделяет роман Стокера среди прочих сочинений в готическом стиле и придает ему неповторимый флер. Нас, соавторов, собиравшихся опровергнуть общепринятое объяснение истоков романа, в особенности впечатлило обилие географических, топографических, фольклорных, исторических и даже кулинарных деталей, хотя и не удостоенных Стокером какого-либо пояснения. Они бросаются в глаза на первых захватывающих страницах романа, как и в последующих главах. Именно эти весьма правдивые подробности убедили соавторов оспорить преобладающее среди литературных критиков и историков мнение об истоках романа. Прежде всего мы были уверены, что, готовясь к написанию романа, Стокер тщательно изучил материалы по Восточной Европе и по Румынии в частности, тем более что сам он никогда не бывал в той части мира.

В расследовании этого дела столетней давности наша метода состояла в том, чтобы использовать роман как путеводную нить и по его стопам проследить путешествие, в XIX в. предпринятое помощником поверенного Джонатаном Харкером от самого Лондона и до места первых событий. Как и Харкер за век до нас, первую остановку мы сделали в Мюнхене и именно в отеле «Четыре сезона» (Vierjahreszeiten Hotel), который упоминается у Стокера в главе, первоначально задуманной как введение, а в итоге ставшей отдельным рассказом «Гость Дракулы» (включенным в некоторые издания романа). Следуя примеру Харкера, мы сели на экспресс Мюнхен — Вена, домчавший нас в австрийскую столицу за несколько часов — «и ночи не прошло», как сказано в дневнике у Харкера. Из Вены мы взяли курс

на Будапешт — по традиции того времени Стокер правильно имену-ет его Буда-Пешт, поскольку эти два города смотрят друг на друга с противоположных берегов Дуная, а средневековой столицей Венгрии был Буда. Как отмечает Харкер, Буда-Пешт служит воротами в Восточную Европу, разделяя два мира, хотя современный путешественник едва ли имеет представление об упомянутых Харкером «традициях турецкого правления». Дорога из Будапешта в Клаузенбург (Клуж) в Трансильвании (Стокер употребляет немецкое название города, поскольку в те времена он находился на территории Австро-Венгерской империи) заняла у нас шесть часов. Верные выбору Харкера, мы тоже остановились в гостинице «Отель Ройял», сегодня сменившей название на «Континенталь». Правда, немецкий язык уже не мог быть нам так полезен, как Харкеру, в общении с местным населением, поскольку со времен Второй мировой войны проживавшие в Трансильвании немцы постепенно разъехались, и сегодня две самые многочисленные народности в Клуже составляют румыны и венгры. Но, что любопытно, блюда в ресторанном меню оказались поразительно схожи с теми, которые предлагались сто лет назад. И вы все еще можете заказать блюдо «*паприка гендл*», цыпленка, оригинально приготовленного в соусе из красного перца, хотя это кушанье относится скорее к венгерской, чем к румынской национальной кухне.

Клуж, самый крупный местный город, был сердцем Трансильвании. Как мы обратили внимание, Стокер довольно точен в своем описании этнического состава этого края: «В Трансильвании живут четыре основные народности — на юге саксонцы вперемешку с валахами [румынами], потомками даков; на западе мадьяры [венгры] и секлеры на востоке и севере... которые утверждают, что ведут свой род от Аттилы и гуннов». Харкер упоминает и исторический факт, что мадьяры в XI в. заселили эту область, а их вождь Арпад стал родоначальником династии (самым великим правителем из которой был Иштван I Святой, коронованный папой римским в 1000 г., после того как обратился в католичество). Не ведая, что затрагивает самый противоречивый аспект национальных представлений о первенстве, Харкер

отмечает в дневнике: когда «венгры завоевали эту область, обнаружили, что она уже заселена секлерами, так называемыми потомками гуннов», что есть спорное утверждение. Но он более точен, когда утверждает, что этим самым Szekleys (секеям) венгры доверили «охранять границу... недреманно нести службу пограничных стражей».

На следующее утро после приезда в Клуж мы, подобно отважному англичанину Стокера, обнаружили, что в ресторане уже с утра подают этого самого цыпленка в паприке, хотя обычно это блюдо не предназначалось для завтрака. И что мамалыга, описанная Харкером как «нечто вроде овсяной каши, только из кукурузной крупы», все еще остается традиционным блюдом румынских крестьян (примерно как полента — для итальянских). Зато начиненные мясом баклажаны, называемые здесь *имплетата* (на румынском — *implutură*, что означает начинку), в утренние часы заказать не представлялось возможным. Мы вняли совету Харкера и тоже попросили на кухне рецепт, который, кстати, включен в недавно изданную в США Мариной Полвай «Поваренную книгу Дракулы» (Marina Polvay, *The Dracula Cookbook*, 1978).

Пока Харкер целый день неспешно тащился на поезде из Клужа в Бистрицу, у него имелась масса времени, чтобы изучить местную природу из окна вагона и составить о ней достаточное представление. Его описание, явно почерпнутое Стокером в разнообразных путеводителях того времени, разительно контрастирует с мрачным, суровым в своей первозданности ландшафтом, какой у нас так любят рисовать киносценаристы и вторящие им авторы «сенсационных» сочинений о вампирах. Совсем наоборот, Харкер пишет, что местность изобиловала красотами: «...Взору представляли то маленькие городки или замки на вершинах крутых холмов... то речные потоки... с широкими каменистыми окраинами по обеим сторонам». Его впечатляют могучие густые леса из «дубов, буков и сосен». (Неудивительно, ведь он, а следом и мы направлялись в Буковину, издавна славящуюся великолепными буковыми лесами.) Как и наш герой, мы видели «аккуратно сложенные вдоль холмов скирды сена, подпираемые двумя-тремя врытыми в землю кольями».

Обозревая местный крестьянский люд, мы соглашались с Харкером, что «женщины представлялись красивыми только издали», а вблизи их фигуры оказывались нескладными и их талиям не хватало изящества, что еще со Средневековья было характерно для женских фигур из-за обилия белков в рационе и каждодневного физического труда. Харкера восхищают национальные одеяния местных женщин, и он подробно описывает их: «На них наряды с белыми пышными рукавами разных фасонов, и многие подпоясаны широкими кушаками с обилием свисающих оборок, которые колышутся вокруг тела наподобие балетных пачек, но под ними, конечно... нижние юбки». Харкер упоминает также чехов и словаков, причем присутствие последних весьма правдоподобно для тех времен, когда эти земли входили в Австро-Венгерскую империю, а соседняя Словакия находилась под контролем Венгрии. Харкер обращает внимание, что местные крестьяне очень религиозны и одновременно суеверны, что и по сей день характерно для жителей этих мест, особенно пожилых. «По сторонам дороги... множество крестов», — продолжает Харкер. Всевозможных суеверий здесь и по сей день предостаточно, особенно в отдаленных северных краях Трансильвании; в сознании здешних крестьян причудливо уживаются вера в силы добра и в могущество зла, от которого надлежит беречься. Они боятся *nosferatu* (*necuratul* — букв. нечистого, что переводится с румынского как «дьявол»); Харкер улавливает в речи местных (и переводит по своему многоязычному словарю) такие слова, как *Ördög* ([ордог] венг. «дьявол») и *pokol* ([поколь], «ад»), *stregoica* ([стрегойка] *strigoiacă*, рум. «ведьма, женщина-вампир»), а также словацкое слово *vrolok* и его сербский аналог *vlkoslak*, что «означает нечто среднее между волком-оборотнем и вампиром». По неким причинам Харкер в своих записях упоминает румынский вариант слова *strigoiacă* только в женском роде. Вероятно, потому, что *стригоек* считали более злокозненными, чем вампиров-мужчин. (Общепринятое название «вампир» славянского, а не румынского происхождения.) Употребляя в XVIII главе слово *nosferatu*, «вампир», Ван Хелсинг прекрасно знает, что в борьбе с ним крестьяне обращаются к могуществу Церкви (к святой воде,

распятиям и пр.), к различным средствам фитотерапии, скажем, к чесноку, ядовитому растению акониту и даже к лепесткам роз. И только если они не помогают, позволяется прибегнуть к крайнему средству: вбить в сердце вампиру кол (деревянный или металлический).

Наконец соавторы тоже прибыли в Бистриц (ныне Бистрица) и снова убедились, что Харкер проявил такую же похвальную точность в географическом описании его местоположения: город располагается на крайнем востоке страны, «практически прямо на границе трех государств, Трансильвании, Молдавии и Буковины, в самом сердце Карпатских гор». (Заметим, что в те времена Трансильвания и Буковина входили в состав Австро-Венгрии, а Молдова — в Старое Румынское королевство. Сегодня родина стокеровского Дракулы входит в состав современного государства Румыния, хотя часть Буковины в конце Второй мировой войны отошла к Советскому Союзу. Так что приехавший в Бистрицу путешественник оказывается поблизости от советско-румынской границы.)

Харкер, как мы видим, к моменту приезда в Бистриц знал и о недавних трагических событиях, незажившие следы которых он заметил на облике города. «Около пятидесяти лет назад разразившиеся один за другим грандиозные пожары пятикратно производили ужасное опустошение. В самом начале XVII века город [Бистрица] выдержал трехнедельную осаду, потеряв 13 000 человек, унесенных вместе с павшими на поле брани, голодом и болезнями». С тех пор сгладилась все следы упомянутого Харкером бедствия XIX в., о котором знают только местные историки. Суеверия крестьян, «осенявших себя крестным знаменем» и страстно разубеждавших всякого проезжего продолжать путь в восточные края, отошли в прошлое — если допустить, что таковые вообще были. Следует заметить, однако, что заброшенная крепость, по ночам испускающая разноцветные языки пламени, и по сей день считается среди местных проклятым местом, и они обходят его далеко стороной.

Описание местности по дороге к ущелью Борго, которое в румынском языке называется Прунду-Быргэулуй (Стокер называет его Borgo

Grund), приведенное сто лет назад Харкером, и сегодня сохраняет замечательную достоверность. Окрестности не показались ему особенно угрюмыми или зловещими. Как раз наоборот, Харкер залюбовался ими: «Перед нами расстилась зеленая, покрытая лесами и дубравами местность; то здесь, то там вздымались высокие холмы, увенчанные островками рощиц или фермерскими домами, белые остроконечные края крыш которых были видны с дороги. Везде по пути в изобилии встречались всевозможные фруктовые деревья в цвету — груши, яблоны, сливы, вишни, и, проезжая мимо, я прекрасно видел траву под ними, сплошь усеянную опавшими лепестками». Добравшись до ущелья Борго, Харкер наконец видит замок Дракулы и описывает впечатления от «необъятного полуразрушенного замка, из чьих высоких слепых окон не пробивалось ни единого лучика света, а разбитые крепостные стены рваной линией рисовались на залитом лунным светом небе». Любопытно, что в заключительных главах романа, когда ведомые Ван Хелсингом «охотники на Дракулу» добираются до его замка, их передвижения описаны с той же географической и топографической дотошностью, что и первое путешествие Харкера в сердце Трансильвании в начальных главах. И там и здесь мы обнаруживаем удивительную по тем временам точность деталей, и это явно указывает, что описания составлены на основе тщательного изучения местных географических карт, раздобыть которые и сегодня не так-то легко.

Учитывая подробность приводимых Стокером географических описаний местности, а также достоверность сведений об этнических корнях населяющих ее народностей, мы задавались вопросом: разве не подошел бы автор «Дракулы» с такой же похвальной дотошностью к изучению возможного исторического прототипа его графа-вампира? В самом деле, налицо масса свидетельств, которые Стокер намеками вкрапляет в образы своих персонажей, а особенно профессора Ван Хелсинга, что он основательно изучил подлинные исторические источники, относящиеся к Дракуле, как, собственно, и ко всей прочей исторической фактуре. Ван Хелсинг сам говорит об этом, упирая на знания, которые приобрел, знакомясь «с исследованиями моего

друга Арминиуса из Буда-Пешта», имея в виду Арминия Вамбери, выдающегося ученого-ориенталиста, который часто наезжал из Буда-Пешта в Лондон. Профессор Ван Хелсинг, видевшийся Стокеру его собственным alter ego, тоже обращается за сведениями не куда-нибудь, а в Британский музей, который по тем временам располагал крупнейшим в мире библиотечным собранием и считался наилучшим источником знаний. Из этих изысканий профессора, как и из других исторических источников, о которых мы поговорим ниже, вырисовывается сборный портрет — ну пускай набросок — подлинной исторической фигуры, наделенной по крайней мере некоторыми чертами конкретного исторического лица по имени Дракула. И этот реально живший прототип настолько интриговал Стокера, что побудил его произвести собственные мини-изыскания в доступных на то время книгах, где описывались самые достопамятные деяния Дракулы и с различных сторон освещалась его многогранная личность. Плоды этого небезполезнаго чтения отразились на внятном описании физического облика графа-вампира, определенно близкого к физическим чертам реального Дракулы, которого мы собираемся описать ниже. Итак, Стокер рисует его «высоким стариком с начисто выбритым подбородком и длинными седыми усами». Лицо восковой бледности, резкий орлиный профиль, тонко очерченный нос с горбинкой и примечательной красноты раздвинутые губы. Одет он с головы до ног только в черное, что довольно схоже с черной мантией ордена дракона, которую носил реальный князь Дракула. И да, Стокер знает об аристократическом происхождении своего графа, недаром тот говорит: «Здесь я знатен; я *боярин*, и я здесь хозяин... господин». Слово *боярин* заимствовано из славянских языков, в Румынии боярами называют землевладельческое дворянство. Позже у Харкера завязывается с графом «долгий разговор», он задает графу «несколько вопросов, касающихся истории Трансильвании», и в ответ тот «живо и горячо заговорил на эту тему». Воодушевление, с которым граф рассуждает о знаменитых личностях в трансильванской истории, он сам же объясняет тем, что «для *боярина* честь его родины, дома и рода — его личная честь...

их победы — его слава, их судьба — его участь». В конце концов собеседник Харкера, похоже, настолько уверяется в своей славе, что отбрасывает всякие титулы и называет себя просто Дракулой, подобно тому, как его исторический прототип на склоне своей политической карьеры подписывал свои послания одним своим именем, не трудясь сопроводить его какими-либо титулами. Мало того что Стокер осведомлен об аристократическом происхождении Дракулы, ему также известен титул *воевода* — слово тоже славянского происхождения, которое переводится на румынский как «князь», и его носил реальный Дракула; как известен и титул *господарь*, который широко использовался в XIX в. и означал «правитель, господин». Это еще одно исторически корректное титулование Дракулы в романе. Хотя Стокер недалек от истины, утверждая, что предки Дракулы ведут происхождение из «страны волка» (даки, или предки румын, нередко пользовались самоназванием «волколюди», а на знамена помещали волчью голову, венчавшую тело змея), однако Стокер ошибается, называя графа потомком секеев, в чьих жилах текла кровь Аттилы, — но эту его ошибку мы попробуем объяснить в конце книги.

Помимо точности деталей, роман выделяют неумеренные восторги, которые Стокер устами Ван Хелсинга расточает многим человеческим качествам Дракулы и его исключительной подготовленности к роли правителя. Ван Хелсинг толкует о «больших умственных способностях» Дракулы, о его способностях к «новым языкам», о необыкновенной эрудированности — «кажется, вообще не было такой области знания, с которой он не был бы знаком», будь то политика, право, финансы и науки, даже оккультные, которые Дракулы изучали в Сибиу «у озера Германштадт» (вымышленное место, где, по румынским преданиям, ученики школы Шоломанча, звавшиеся *шоломонарами*, постигали тайны алхимии). На Харкера же произвело изрядное впечатление гостеприимство графа: «Добро пожаловать в мой дом» — традиционная черта румын, в особенности по отношению к иностранцам. Он готов согласиться с Ван Хелсингом, что граф «при жизни был необычайным человеком с могучим умом и железной волей».

Ван Хелсинг называет жизненные роли Дракулы: «он был в одно и то же время и солдатом, и государственным деятелем, и даже алхимиком». Но при этом особо подчеркивает его дарования как «воителя и вождя, чье сердце не ведает страха и упрека».

Устами Ван Хелсинга Стокер впрямую указывает на исторические корни своего вымышленного графа. Так, Ван Хелсинг считает, что может назвать исторический прототип вампира Дракулы: «По-видимому, наш вампир действительно когда-то был тем самым воеводой Дракулой, который прославился в битве с турками на великой реке на самой границе с Турцией. Если это правда, тогда он недюжинный человек, потому что и в те времена, и много веков спустя он был известен как необыкновенно умный, хитрый и храбрый воин из Залесья*». Сам Дракула упоминает, что «один из [его] предков переправился через Дунай и разбил турка на его же земле». Не столь благосклонен Стокер к родному брату Дракулы, звавшемуся Раду Красивым: «Какое горе, что, когда доблестный воевода потерпел крушение, его недостойный родной брат продал свой народ туркам, навлекши на него позор рабства!» По сути, все вышесказанное имеет отношение к событиям, прямо или косвенно связанным с настоящим Дракулой, и Стокер приводит в своем романе еще немало подобных аллюзий. Так, он упоминает в романе «позор Косова», тем самым отсылая читателя ко второй битве на Косовом поле в 1448 г., окончившейся полным поражением венгров от османского войска, после чего началось первое недолгое правление Дракулы Валахией под турецким сюзеренитетом. Как видно из текста, Стокер не менее осведомлен о событиях, которые привели к разгрому венгерского войска в битве с турками при Мохаче в 1526 г. и были предвидены реальным историческим лицом Дракулой в 1462 г., когда венгерский король не пожелал прийти ему на помощь. Ближе к концу романа преследователи Дракулы убеждаются, что последние надежды на спасение граф-вампира связывают с цыганами, что очень недалеко от исторической правды. Кроме

* Букв. перевод с лат. Transsilvania — Залесье.

того, Стокер нашел непрямого потомка Дракулы, сочтя того фигурой достаточно значимой, чтобы дважды упомянуть его устами графа: «Не он ли, этот Дракула, был тем, кем вдохновлен был другой его одноплемянник, который в более поздние времена снова и снова переправлялся со своим войском за реку на турецкую землю; который, будучи разбит, выступал снова и снова, хотя и возвращался один с кровавого поля битвы, где полегло его воинство, — ибо знал, что лишь он восторжествует в конце концов!» Скорее всего, автор имеет в виду господаря Михая Храброго, который состоял в непрямом родстве с одним из сводных братьев Дракулы, Владом Монахом, и, став господарем, впервые объединил все румынские земли. Из всего этого следует, что персонаж романа граф Дракула, при всех его вампирических свойствах, вряд ли был лишь плодом ночных кошмаров очарованного оккультизмом литератора. Хотя этот образ можно назвать собирательным, в его создании определенную роль сыграло знакомство Стокера с серьезной литературой, которую мы ниже подробно проанализируем. Во всяком случае, проведенные изыскания достаточно вдохновили Стокера, чтобы он захотел придать образу знаменитого графа исторические корни, что добавило важную черту к его личности. Князь, государственный деятель, воевода, наделенный недюжинным умом и коварством, решительный политик, полиглот... даже в романе Дракула как человек весьма притягателен. Как пишет Стокер, «в одной рукописи [раздобытой Арминием Вамбери] об этом самом Дракуле говорилось, что он упырь, о чем нам уже хорошо известно» — в сущности, это слово означает кровопийцу. Учитывая несомненную притягательность подобного образа, создание которого потребовало от автора изучить обширный свод литературы, мы готовы принять подсказки, рассыпанные Стокером в тексте романа, и проследить историю жизни реального Дракулы, правителя XV в., которого первый серьезный румынский историк XIX в. Александру Димитрие Ксенопол называл «одной из любопытнейших личностей в истории». И не сомневайтесь, по сравнению с ним вымышленный граф-вампир выглядит весьма бледно.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

